IV. *РЕЦЕНЗИИ*

D. ZAHAVI

SUBJECTIVITY AND SELFHOOD. INVESTIGATING THE FIRST-PERSON PERSPECTIVE.

Cambridge: MIT Press, 2008

(*Захави Д.* Субъективность и индивидуальность. Исследование перспективы «от первого лица»)

Последняя монография датского феноменолога Дэна Захави, как и другие его работы, будет интересна представителям самых разных исследовательских направлений, внимание которых обращено к проблеме сознания. Известный как философ, мастерски излагающий феноменологические идеи на приемлемом для других научных дисциплин языке, Захави вновь объединяет наиболее значимые вопросы анализа субъекта. Систематичное исследование перспективы «от первого лица» в монографии продолжает давний спор о научном статусе интроспекции, ее особенностей, а в интерпретации Захави — преимуществ, в соотношении с эмпирической перспективой «от третьего лица». Автор задается вопросом о фундаменте формирования самосознания, учитывая опыт философии и других наук о человеке. Нет сомнения в том, что проблема человека остается центральной для всего гуманитарного знания, но, парадоксальным образом, не существует единственного ответа на вопрос — что есть «Я». Понятие субъекта и в философии, и в когнитивной психологии, скорее, конструируется из данных эмпирического анализа, как если бы несущественным оказалась разница между понятиями субъективности и самости, индивидуальности и самосознания, Эго, восприятия себя, собственного опыта. Для того чтобы в правильном ракурсе увидеть и описать все перипетии внутренней структуры субъективности, Захави выбирает феноменологический метод, однако со ссылками на аналогичные идеи философии сознания (philosophy of

mind) и когнитивных исследований. Автор суммирует опыт работы над проблемой сознания в детской психологии, психиатрии и нейронауке для наглядной иллюстрации механизмов идентификации и развития представлений об Эго.

В первой и второй главах последовательно рассматривается феноменологическая концепция самосознания с опорой на «Логические исследования» Гуссерля, в сопоставлении с понятием самосознания у Сартра и других исследователей. Представлены особенности понимания Гуссерлем проблемы субъекта и интроспекции, различия между психологическим представлением об опыте и феноменологическим. В частности, автор отмечает, что термин «эго» зачастую употребляется у Гуссерля либо как эквивалент эмпирического субъекта, либо как синоним «потока сознания», как опыт в своей тотальности (с. 33). Соответственно, в отличие от других типов интроспекции, в феноменологии опыт «эго» не дан изначально, но есть результат рефлексии (с. 36).

Опыт времени также рассматривается исходя из феноменологического прочтения, темпоральная схема «протенция — первичная импрессия — ретенция» раскрывает внутреннюю структуру как рефлексиии, так и до-рефлексивного самосознания (с. 55-56). Структура сознания времени, как подчеркивает Захави в третьей главе, не только позволяет понять механизмы осознания протяженных во времени объектов, но, прежде всего, темпоральную само-данность сознания как такового. С точки зрения анализа субъекта важен именно уровень актов, или, как называет их в Бернау-манускриптах Гуссерль, предметность акта (Aktgegenständlichkeit). Захави указывает на особенности работ Гуссерля периода 1917–1918 годов (собранных в тридцать третьем томе) по сравнению с ранними лекциями (десятого тома) — интенциональный опыт имманентных темпоральных объектов понимается как опыт рефлексии, на до-рефлексивном уровне речь не идет об объектах (с. 63). Внутреннее сознание времени, акты сознания являются до-рефлексивным самосознанием абсолютного потока. Субъективность есть, таким образом, само-темпорализация (с. 66). Время является внутренней структурой субъекта, дифференцированной и артикулированной именно посредством рефлексии, не существуя как темпоральный объект вне субъективного опыта.

Разбирая специфику феноменологической рефлексии и связанное с ней понятие трансцендентального эго, в четвертой главе Захави анализирует методическую роль интерсубъективности как части самосознания. Рефлексия включает в себя объективацию Другого, «интерио-

ризацию» опыта распознавания Другого для опыта идентификации и осознания себя. Даже на уровне психологической рефлексии необходима «само-отчужденность» как попытка встать на место другого. «Самость» не существует без проекции на социальный опыт, внутренняя «друговость» необходима для само-трансцендирования, для объективации себя и идентичности Я как Я. Автор анализирует интерпретативность самообъективации — герменевтическая феноменология оказывается отличной от рефлексивной феноменологии (с. 97).

Рассматривая перспективы дискуссии о природе субъективности, Захави указывает на те возможные точки пересечения, в которых феноменологические выводы могут быть подтверждены иными способами анализа. В пятой главе он предлагает два понятия самости (self), которые позволяют классифицировать подходы к изучению субъекта. Первое — самость как нарративная конструкция (Рикер, МакИнтайер, Деннетт), как продукт нарративно структурированной жизни (с. 107). Второе — самость как измерение опыта (experiential dimension), необходимо включающее в себя перспективу от первого лица и возможность изменчивости (Гуссерль, Анри), как инвариантное измерение многообразия меняющихся видов опыта. Оба понятия практически применимы в эмпирических исследованиях, однако более фундаментальным и, тем самым, эффективным оказывается второе. Так, автор приводит данные по работе с патологиями, связанными с функциями сознания и самосознания, в частности, с шизофренией и аутизмом. В случае с шизофренией применимо именно второе понятие самости, то есть феноменологический концепт (с. 134), в котором возможен анализ дифференциации рефлексивности, включая до-рефлексивный слой и нарушения, известные как явления гиперрефлексивности.

Автор продолжает исследование функций, суммируя представления о субъективности и интерсубъективности в шестой главе. Многомерность взаимодействия самости, мира и Другого оказывается более устойчивой схемой формирования субъективности, чем одномерная метафизическая традиция, не включающая возможность «внутренней друговости» в структуру субъекта. Феноменология телесности, аффектации, само-восприятия (Мерло-Понти, Анри) позволяет прояснить внутренний механизм различий между «Я» и «Другой», в том числе сам мотив трансцендирования, в «оригинальном взаимном (reciprocal) со-существовании» (с. 173). Что касается аутизма, которому уделяется внимание в последней главе монографии, то автор считает феноменологическую концепцию более перспективной, чем распространенный

в теории сознания (theory of mind) принцип объяснения нарушений в социальном познании. Феноменология позволяет объяснить саму природу интерсубъективности, телесность, ощущение самости иначе, чем в бихевиоризме, что делает возможным более глубокий анализ причины и механизмов аутизма, а так же других патологий.

В заключении важно отметить, что в последовательном и систематичном анализе наиболее значимых вопросов формирования субъективности автор, разумеется, не ставит своей целью предложить некую новую теорию субъекта. Напротив, задача исследования — феноменологическая — описать и прояснить всю систему различий и генетику внутренних мотивов в том виде, в котором субъективность представляет собой динамическую (темпоральную) модель сознания. Несомненно, монография является примером исследования, мастерски совмещающего в себе глубину и ясность феноменологического описания с аргументированностью в обобщении эмпирического материала.

Татьяна Литвин